

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Региональный этап

9 класс

Два варианта на выбор региона

1 вариант. Комплексный анализ прозаического произведения

И.С. Шмелёв

Письмо молодого казака

Лети моё письмо еропланом-птицей сквозь всю Европу и Германию, прямо на Тихий Дон, в наше место, в Большие Куты, на Семей Проулок на уголок, под кривой явор, в родительское гнездо, к дорогим и бесценным родителям старому казаку Николаю Ористарховичу Думакову и родительнице нашей Настасье Митревне в руки. От сына вашего меньшого, молодого Казака Первой Сотни Перво-Линейного Захоперского Полку, Ивана Николаевича Думакова, с дальней стороны, из-под городу Рван, с железного завода, называется Французская Республика.

Кланяемся вам, бесценные родители, от бела лица до сырой земли.

И так что извещаем. Молитвами вашими и благословением, как оглушали на бранный бой, жив ваш сын Казацкий сокол Иван Николаевич Думаков. И от пули, и от снаряда, и с газов, и с-под красного расстрелу, кроме всяких болезней. И с голоду, и с политической измены. Прошел наскрозь. И стою на посту-дозору, хочь и давно пику перворядную сломило не стыдным ветром, а безвинным горем. Но не убивайтесь про меня, родители, не стыдитесь сына вашего Ивана Николаевича Думакова, 27 лет. Обе руки мои при мне у груди, голова на плечах, гляжу на все четыре стороны, ничего с меня не убыло, а прибыло. Одна тоска сердце мое вередит Казацкое, что не имею от вас досыла, как отшёл с дому. Отпишите мне скорей на девятое моё письмо, которое с голубыми марками, ихняя женщина сеет, как требует казённая хворма Французской Республики.

Зачего вы молчите не говорите, как в земле лежите? Аль уж и Тихий Дон не текёт, и ветер не несёт, летняя птица не прокричит? Не может этого быть, сердце моё не чует. Было известие на стреле со Станицы нашему Казацкому Подхорунжему Семеон Михайловичу Копыткову от кума ихнего Кулика, который без глаз с германского плена, сидит на хуторе у пчелы, какие постигло смерти и какие кресты поставлены. Знато нам, которые здесь ушедчи, с Барыкиных Хуторов, и с Каменного Намёта, и с Власьевской, и с Гусятинской, и сокруг места нашего, которые спят Казаки, опрокинув голову, вольной-невольной смертью. И которые живут под ветром чужих государств, покрыты нуждой и славой заместо родимой доли. Горе и нужда как чирый спадёт, а слава, как калёное тавро,

железом выжжена на груди до смерти. И после смерти на Золотых Досках прогремит!

Слышно нам, как Соломатова Кузьму моего поручного Первой Сотни взяли на казнь расстрела. И ещё смерть дали Васеньке Выжгину, и Хоме Беркуту, и Вселоду Топчуку, старому Хорунжему, потерял он руку в боях Германских, милому другу и приятелю Ерёмке Крылу! И ещё Мишке Веткину, и Конону Синь-Носу с Глинищенской, и всем Глазунам за семенной произвол за чего восставали гордо! Память их пройдёт по Казацкой Земле до моря и даже за море к нам дошедчи. И зачего Стёпке Руденкову и Артамошке Бессыхину бант кровавый на грудь змеям, сорвавши Крест, навесили. И пробьёт время! И что погорели наши Куты с Высокого Конца и до Пожарных Сараев, где ракиты, грачи шубуршат на гнёздах. И порубили те ракиты, и ставки сохнут. И кобылка хлеба поточила, и бык закатал учителя Иван Николаича, мово тезку. Царство Небесное, я его помню, стих в Крестоматии учили про Казака. Книжки такой неизвестно тут, а всё газета. А вы мне собирались сватать, то та краса пропащая стала Ксютка Акимкина, старого Кондрата дочка, ушла без чести, как сучонка за шматок сала, за ихним комиссаром безо всякой веры. Гнилая Ягодина на выплевки! А живы вы не живы, вести не добежало до меня.

Так что горюете по сыну вашему молодому Казаку Ивану Николаевичу Думакову, а я жив. Гляжу на вашу сторону. Как ветер на вас дует, гляжу – сторожу. Матушка! А никто не слышит. Никто не понимает нашего Казацкого языка. А как с вашей стороны ветер сухой подует, слезы сушит и в груди жгёт. Но не печальтесь. Я стою во весь рост, шапка только на мне чужая, шляпа мятая, а не шапка наша. Пропала моя Казацкая, утопил её, в море скинул, как потчевал нас на чужом корабле красным вином французским. Не в чужом море кинул, в нашем Чёрном, как моё горе. Плыви – тони!

Родитель наш дорогой, Николай Ористархыч. В девятое письмо пишу, а вы утирайте слёзы. Слово ваше сберёг до сердца Казацкого, как Крест благословления. И вот утирайте слёзы, не попинайте, Коня вашего вспоминайте, а моего друга Голубёнка! Гуляет его душа по родной Степи, не на чужих лугах иностранных. Здесь и одной голове тесно, и глядеть не родимым очам, а как пришельные. Все походы со мной прошёл, левое плечико пуля поцеловала, все четыре ноги царапаны. Семнадцать Атак носил. Два раза пропадал, по чужим коновязям стаивал. Два раза его отбивал, наше тавро по Отестату доказывал. Отбил. По Кольцу Крест-косушка! Тавро наше. При вакуации в Хведосии сам его положил безбольно. Глаза завязал ему, в губы поцеловал, слезами обмыл на смерть. Ух, не печалуйтесь, не жгите глаза слезами, содержите бережно до сына вашего молодого Казака. Я приду. Погляжу в глаза, чтоб весёлые были, меня оглядали, какой я на вас выйду.

Пал мой Голубёнок серолобастый, шёлкова шёрстка, белы ножки, крапина на груди как перцем. Ох, родимые... стуканула та пуля в моё сердце, пьяным напоила безвинно, дожидала вторая верного места. Да встало мне: а кто ж за всё, за кровь нашу, за Степь горевую нашу, за Коня, боевого друга, за ваши горя, родители

мой, ответа требует? Шепнул мне ветер: стой Казак! береги пулю, дойдёт время! Выплеснул патрон тот чередной, при мне лежит, тоску мою сторожить. Не плачьте, не убивайтесь. Ворочусь на Родину, на Тихий Дон, на Казацкую Волю новую! Сидит на бугру чёрная птица, крачет, бела лебедя когтями точит. Пойдёт моя пуля за реку, пробьёт моя пуля стервятнику! Рука моя дрогает, сердце в груди туркает, дожидает.

Родители мои бедные, от свиного корма питаетесь, корочку угрызаете. Известна мне ваша доля. Ночами во снах вижу, за ворота глядаю, будто всё двор метёте. А подметать чего нет, омыто до самого порога. Ждите, переступлю порог.

А жизнь моя ничего, в прохладе. Был я в городе Париж, высокая каланча железная, подаёт радио, телеграф во все страны, до нашего Дона. А не слышать по ней доли вашей, сквозь летать! Большой город, весёлый, бульвары и памятники на каждом рынке. А люди неизвестны. И будто бывал уж по тем местам, знато мне то место, с чего? Споминал, как сказывали старину, как ваш Дед славный Казак Ористарх Думаков гулял в городе том Париже, Конём своим с Дону травы чужие мял, из реки ихней Коня своего поил водой тёмной, в бубен трепал, спал под чужим небом, под звёздами Французскими! Плясал трепака с ихнего вина сладкого, шапкой землю трепал Казацкой, бодал сапогом кованым, гремел лихью, с песней прошёл Казацкой от Тихого Дону до ихнего Парижа! Где теперь Казаки, слава ваша? Под кем живёте?! Перед кем шапку ломаете?! пики гнёте?!..

А я молодой Казак, какую песню спою, и где моя шапка, и где мой Конь? Воду ношу, железо кую чужое. Уголь копал, камень бил по балканским горам-лесам, проволоку сдирал Французскую, кровию белы руки плачуть. И кто я теперь, Казак! И где мои песни? Какого коня поить?..

Но не плачьте, родители, не убивайтесь, не сушите сердце, слезу зажмите. Приду – выпью, пьян напыюсь с её дочума, разыму глаза, голову кину прочь, чтобы не мешали думки. Я теперь прямо гляжу на свет через многие страны, через всякие народы вижу. Всего вижу, всего я знаю. Нет теперь меня выше, хоть и сточили ноги! Не хуже другого сын ваш молодой Казак. Не потеряюсь в других народах, дождусь доли. Ух, горем своим напился, слезой умылся, кулаками утёрся досуха. Жив я, Казак, чую, не долго у чужих косяков слоишься.

С родимой стороны стеновой ветер дует, бело лицо колет, сердце жгёт. Чую-знаю, идёт срок мой, ждёт меня конь мой, дерево на пику выросло. Кинусь на степь играть, Коня горячить – гулять. Эх, вы, Горы Карпатские! ходил через их, гулял!.. Все дороги-пути известны.

Лети, мое письмо, еропланом-птицей на Тихой Дон, к старому Казаку родителю Николаю Ористарховичу Думакову в руки, родительнице нашей Настасье Митревне на сердце!

Девятое письмо гоню. Что ж от вас позыва не слышу, досыла не получаю? Сквозь землю отзовитесь, шупотком скажите, – травой услышу! Голос подайте мне – и вот и я!..

А теперь голову преклоню: благословите, родители, батюшка и матушка, меньшого сына вашего молодого верного Казака Ивана. Дошлите мне вашу

грамотку с нарочным человеком. Не доходят письма мои, и ваши не доходят. Едет нарочный человек, стрелит стрелою на тихой Дон. А вы дождитесь. В думку ему вложите. Бумагу дорога измотает, не прочитает, одне-то слёзы увидишь.

Помолите Угодников и Пресвятую Богородицу и Спаса Нашего на Хоруге нашем Казацком, Глаз Строг. И ворочусь несрочно, на радости! Чует сердце, встаёт мой срок!

Поклоны мои земные дайте Земле Казацкой, Донскому Войску, Батюшке Дону Тихому, солнцу красному, месячку ясному, Степи широкой. Поклоны мои земные друзьям-братьям, злою неволею погибшим, кому могилы не далеко, а пылью-прахом неведомо где ложатся. Поклонитесь от меня Крестам на погосте, вербам, дорогам, Большим Кутам и Св. Кресту Господню на Храме нашем, и всем родным, вживе которые остались, молодого Казака не забыли.

А вам в ноги припадаю, родители мои старые, горевые, батюшка и матушка. Не печальтесь, не плачьте, жив. Во весь рост стою я, меньшей ваш сын, ширше плечами стал, могутней. До радостного свиданья!..

Март 1925 г. Париж

2 вариант. Сопоставительный анализ стихотворных произведений

Н.А. Заболоцкий

Читая стихи

Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти непохожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребёнка
В совершенстве писатель постиг.

И в бессмыслице скомканной речи
Изошрённость известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принести?

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.

Тот, кто жизнью живёт настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.

1948

А.А. Тарковский

***

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала, как флейта, звучать.
Я ловил соответствия звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зелёных ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка – слеза.

Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге ярко стрекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.

Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скреплённых их собственным светом, загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума,
В слове «правда» мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив, как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.

И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унижил ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студёной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звёзды падали мне на рукав.

1956